

Вадим Абдрашитов, кинорежиссер

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Вряд ли я могу отождествлять себя с какой-то традицией. Вероятно, можно говорить о том, что мои поиски находятся в русле традиций русской гуманистической литературы. И все, что я делаю, так или иначе этими традициями питается, несмотря на некие поиски форм киноязыка, форм кинодраматургии. Все фильмы, которые мы делаем с Миндадзе, подчас отличаются друг от друга принципиально – и по стилистике, и по жанровым признакам, но, тем не менее, все наши работы связаны с традициями русской литературы. Что под этим подразумевается? Один из главных вопросов, который поднимает русская литература, звучит так: «Если каждый человек достоин счастья, то почему же в данном случае, в данном месте, в данное время данный человек несчастлив?» Вот мы и пытаемся рассказывать некие истории, которые, надеемся, соразмерны такому вопросу.

- Вероятно, поэтому в ваших картинах столько грусти и столько «метафизики»?

Пожалуй, да. В каких-то картинах есть некие пласты метафизики и какие-то «около-потусторонние» пространства, куда и попадают иногда наши герои. Я имею в виду «Парад планет», «Слугу» и другие фильмы. Все это есть в русской литературе, причем возникает на реалистической почве. Достаточно вспомнить Гоголя или Булгакова.

Все, что я делаю, подсказано мне безбрежной русской литературой. Причем мы с Миндадзе никогда не ставили себе целью говорить о тупиках, о неизбежности и предрешенности всего. Просто мы пытаемся описывать жизнь и реалии жизни. Иногда мы пытаемся даже результат оптимизировать, как, например, в финале картины «Время танцора», где мы уходим в легенду. А грустная интонация, которая нередко звучит в наших работах, рождена самой жизнью. Мы сами обращаемся к жизни с вопросами, а она дает нам вот такие ответы.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Я считаю себя абсолютным диалектиком, поэтому не могу называть что-то вершинами, а что-то провалами ни в жизни, ни в истории, ни в русской культуре. Если какие-то периоды не столь заметны, это значит: в них что-то готовилось, созревали будущие художественные открытия. Естественно, одна из кульминаций – Серебряный век, который сфокусировал пересечения различных направлений, различных поисков. Это явление стереометрическое, сумевшее отыскать точку

пересечения модерна с глубинными слоями русской культуры. Серебряный век – это сверхвыдающееся, планетарное явление. Но он был подготовлен многими периодами, которые вершинами в русской культуре не считаются.

- И все же, что вам особенно дорого из накопленного русской культурой?

Я воспринимаю русскую культуру в полном объеме. В разные времена существовали и Пушкин, и Гоголь, и Булгаков, и Трифонов. Но в культуре, наверное, не существует времени, а существует пространство. И кто более современен, Пушкин или Булгаков – это еще вопрос. Наверное, они просто принадлежат одному пространству – пространству русской культуры. И все художественно значимое для меня в этом пространстве равнозначно.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Я считаю, что советский период в истории России не закончился, он продолжается, несмотря на терминологическую путаницу в определениях. Можно говорить о том, что произошло с нашей культурой, после того как рухнул железный занавес и в Россию хлынула свобода, которая принесла нам скорее западную цивилизацию, чем западную культуру. В результате культурное пространство России, не защищенное ничем, резко сокращается и сжимается, как шагреновая кожа. Если более развитые во всех смыслах страны веками отработывали механизмы сохранения национальной культуры, то советская власть этим не занималась, оградив свою территорию пресловутым железным занавесом и жестокой цензурой. В результате отечественная культура очень много теряет с каждым днем, попадая в жернова цивилизации, которая обнаруживает себя прежде всего как цивилизация потребления. Если на Западе уже поняли, что это путь тупиковый, то мы еще далеки до осознания результатов этого процесса. Но многое лежит и на поверхности. Если взять, скажем, наш кинематограф, то мы наблюдаем процесс полного отчуждения отечественного зрителя от отечественного кинематографа, потому что зарубежному кинематографу предоставлены все возможности и гарантии существования на нашем экране. Выросло уже целое поколение, которое приучено к зарубежному кинематографу. Традиции отечественного кино уже кажутся странными. Молодые авторы кино, я имею в виду сценаристов, режиссеров, вынуждены подражать зарубежному кино, и в первую очередь, американскому.

- Нам всегда так хотелось общаться с западной культурой напрямую, и крушение железного занавеса предоставило нам эту возможность. Разве одно это уже не благо для нас?

Железный занавес препятствовал проявлению одного из главных инстинктов человека – посмотреть, как живет сосед, как устроен мир за границами твоего обитания. Что же касается общения с культурой Запада, то оно было в общем-то доступно. Может быть, мы узнавали новое с некоторым запозданием, но все равно узнавали. Кто хотел прочитать всего Кафку, мог это сделать и тогда. Кому хотелось прочитать *Архипелаг Гулаг*, мог это сделать, если уж очень хотел. Я не думаю, что перестройка увеличила число почитателей Солженицына. Все важное до нас все равно доходило так или иначе. Не смогли мы посмотреть «Последнее танго в Париже» в год выхода на экран, посмотрели тремя годами позже. В общем-то не этого хотелось. Хотелось гуманизации собственной жизни, хотелось сделать ее более комфортабельной. В каком-то смысле современная жизнь этого достигла. Мы ощутили свободу слова, свободу печати, свободу обмена мнениями, получили возможность критиковать начальство и не попадать за это в тюрьму. Но все, как известно, относительно. И если в тюрьму сейчас не упекают, то работы лишают в одночасье, стоит только позволить себе неосмотрительные высказывания в адрес начальства. Так что западная цивилизация в «ситцевой» России пока еще довольно подозрительная вещь.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Конечно, нет. Культурная ситуация при Путине практически та же, что и при Ельцине. Просто идет процесс оцивилизовывания России, но по сути это означает вхождение в мировое сообщество за счет раскультирования нашей страны...

- Может ли в принципе измениться культурная ситуация в стране в зависимости от индивидуальности и личных пристрастий лидера или это процесс объективный?

Разумеется, может. В России вообще многое зависит от личности лидера. Такова традиция. У нас не существует законов, которые бы уравнивали в какой-то степени самого высокопоставленного и самого младшего члена иерархической лестницы. Именно поэтому многое зависит от конкретной личности. Кроме того, в России в настоящий момент не существует общества. Мы все живем околোগосударственной жизнью. А ведь сохранение культурного пространства это вопрос существования общества. Пока оно не будет воссоздано, ничего не изменится, каким бы меломаном или театралом ни был лидер государства. Другое дело, что ситуация, которую мы переживаем сегодня, будет, я надеюсь, преодолена. Ведь нормальному человеку свойствен поиск как таковой. Поиск не только смысла жизни, что закономерно, но и поиск некоего пространства, которое находится ря-

дом с тем пространством, в котором он живет. Что это за пространство? Это пространство жизни духовной, а искусство одна из форм такого поиска. Не думаю, что без искусства, без культуры может существовать какое-либо общество. Думаю, что в будущем процесс развития цивилизации потребления будет приостановлен то ли экологическими проблемами, когда мы сами себя съедим, то ли появлением некой общей идеи (я не хочу сказать: нового Бога), то ли некими идеями в искусстве, которые равносильны появлению новой теологической основы. Трудно предполагать, но человечество для самосохранения некую идею так или иначе должно выработать и обозначить ее как программу развития собственной жизни. То есть на планетарном уровне должен сработать инстинкт самосохранения. В какой форме это сработает, трудно предположить, но то, что это будет связано с пространством культуры, несомненно.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Как я уже говорил, государство это некий механизм, который должен как минимум заботиться о здоровье нации, как физическом, так и духовном. А значит, оно должно заботиться и о сохранении отечественной культуры, в частности, отечественного кинематографа, что, собственно, и делается в других государствах. В последнее время и у нас, наконец, делаются попытки поддержать кинематограф. Это не радикальные меры, а именно попытки, поскольку финансовый поток в кинематограф не сокращается, а даже немного увеличивается. Но надо ведь радикально решать проблемы защиты отечественного кино. Иначе можно вкачивать огромные деньги, а результата не будет: отечественные фильмы не будут доходить до наших зрителей. Тут нужны меры хирургические, нужно принимать законы, отрабатывать механизмы, поддерживающие выход кино на отечественные экраны. А потом включится обратный механизм. Деньги, вложенные в кинематограф, вернутся, потому что кино – это мощнейшая индустрия, которая может приносить государству огромные доходы.

- Что же мешает нам отладить этот механизм?

Дело в том, что вокруг зарубежного кино- и видеопроката вращаются огромные деньги, которые позволяют людям при этих деньгах тормозить принятие законов в пользу отечественного кино. А сам отечественный кинематограф, каким бы качественным он ни был, не выживет. Нет ни одного примера в истории мирового кино, чтобы кинематограф выжил сам по себе. Могу привести в пример постановления и законы, которые были приняты во Франции во время зарождения «Новой волны» или в Италии вокруг неореализма. Во всех странах это было. Да-

же в Бразилии существуют механизмы защиты отечественного кино. Они выражены в квотах, в ограничениях на показы зарубежных фильмов, в ценовой политике на билеты. Не надо изобретать велосипед, все уже существует. А в России ничего подобного нет. Государство об этом не заботится, и последствия могут быть неутешительными.

- И все-таки наши режиссеры каким-то чудом снимают картины. Что им помогает выживать?

Режиссеры не могут перестать снимать картины, потому что кинематограф – непрерывное производство, как мартеновская печь. Он должен постоянно работать. Фильмы должны сниматься и как-то доходить до зрителя. Должна сохраняться технология, должно воспитываться новое поколение специалистов. Режиссеры спасают киноискусство, но создавать законы, сохраняющие отечественное кино, не дело кинематографистов. Это дело государства.

- А что касается телевидения, оно тоже не заинтересовано в поддержке отечественного кино?

Заинтересовано. Телевидение показывает огромное количество картин, и если платит, то платит копейки за показ картины, причем не всегда и не всем. Телевидение пользуется фильмами для того, чтобы заполнить экранное время. В каком-то смысле это реализует идею доведения фильма до зрителя, но в основном это фильмы старые и очень дешевые. Но даже это радует. Пусть показывают хоть как-то. Но ведь параллельно телевидение демонстрирует массу зарубежных опусов, которые, мягко говоря, просто своим количеством подавляют отечественное кино. Ничего подобного, например, нет во Франции, где в некоторые дни просто запрещено показывать зарубежное кино. Это дни выхода на экраны новых французских фильмов. Эта схема отработана по всем вертикалям и горизонталям. Каков итог? Ренессанс французского кинематографа.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

В советское время часто ругали книгу или фильм за элитарность. Имелось в виду, что не все поймут, о чем идет речь в этом произведении: не пойдут в кинотеатр или не будут покупать книгу. При этом цензоры часто ошибались. Что касается моих картин, то практически ошибались всегда. Это коснулось даже «Парада планет». Уже название фильма вызывало подозрение, хотя была самая живая реакция и многие его посмотрели. Так что раньше под элитарностью понималось

то, что произведение не будет понято народом, а «народность» это понимание как раз подразумевала. Сейчас все стало гораздо хуже. Современная цивилизация, цивилизация потребления, не может допустить элитарности. Она требует усредненного продукта и усредненного потребителя этого продукта. Требуется произведение, которое «скушает» каждый и в любой стране, живете ли вы в Женеве или Сыктывкаре. Продукт должен быть универсален, понятен, прост в употреблении. Он должен быть в особой, привлекательной упаковке и хорошо растажигован. Следовательно, элитарность как таковая, в классическом смысле слова быть не должна. Такой продукт теперь не требуется. Ведь искусство элитарное никогда не претендовало на то, чтобы всем нравиться и быть абсолютно понятным и доходчивым. Оно в каком-то смысле существовало само по себе. Такое искусство и потребитель не связаны столь уж плотно. Они часто существуют до какого-то момента параллельно. Элитарность в таком виде сегодня не нужна, поэтому ее всяческим образом превращают в продукт народного потребления. Посмотрите на наших элитарных исполнителей. Они начали выступать на стадионах, они начали выступать с рок-певцами. Вспомните совместные выступления Николая Баскова и Монсеррат Кабалье. Это не хорошо и не плохо. Такое явление означает развитие цивилизации, когда элитарные вещи превращаются в продукт массового потребления. Наверняка останется что-то особо элитарное, но это будет очень дорогой продукт скорее для удовлетворения амбиций, чем какого-то духовного голода. Только в этом смысле элитарность сохранится. А настоящая элитарность, принадлежащая к категории искусства, уже сейчас исчезает.

- А что вы понимаете под словом «народность»? Сохраняется ли это понятие?

Это вопрос времени. В нашей стране еще сохраняются традиции подвижничества. Это библиотекари, сотрудники музеев, это техническая интеллигенция, которая общается еще с настоящим искусством. Но этих людей становится все меньше. А появляются просто потребители, по уровню ничем не отличающиеся от так называемой народной массы. Их становится все больше, и со временем должен появиться «единый потребитель».

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Когда я вижу, что картина вызывает какую-то реакцию людей и то, что сказано в картине, волнует людей, тогда кажется, что можно назвать мою деятельность служением. Какая-то вдруг гражданская составляющая в мироощущении дает о себе знать. Но когда я делаю картину, то ни о каком служении речи быть не мо-

жет. Это просто желание сделать картину так, как я хочу. И это делается в первую очередь для себя.

- Но разве занятие тем делом, для которого человек предназначен, не является служением?

Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что если я озарен пониманием того, для чего я предназначен, значит, я покушаюсь на понимание смысла жизни. Но ответ на этот вопрос может дать только тот, кто эту жизнь придумал, запустил все это. Художник может чувствовать только, что без своего творчества он жить не может. Он сам создатель некоего пространства: литературного, живописного, кинематографического. В этом смысле некое соотнесение, дрожь вдохновения, может быть, ему доступны. Но не более того. Я не знаю, чем бы я мог заниматься кроме кинематографа, хотя я могу делать многое другое. В свое время я закончил физико-технический институт, работал на заводе, преподавал. Но я очень хотел снимать кино, и я это делаю. По современным меркам есть успехи, но это не означает, что это мое предназначение. Не мне это решать.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Процесс глобализации означает прежде всего оцивилизовывание культуры, что ведет в конечном счете к сокращению пространства культуры. Это касается всего мира. Просто на примере России, как в контрастном проявителе, это более заметно. Глобализация способствует развитию общества потребления и подразумевает унификацию всего – от жвачки до оперного спектакля, от живописи до кино: «Титаник» должен быть понятен и японцу, и чукче, и казаху, и венгру. Унификация поглощает и самого потребителя – покупателя, зрителя, читателя. В России это более заметно ввиду того, что Россия всегда была полем для эксперимента, а сейчас, когда в России не существует общества, этот эксперимент идет полным ходом.

- Вы считаете, что советское общество как-то тормозило этот процесс?

Во времена советской власти общественное мнение значило гораздо больше, чем сейчас. Законы существования в обществе, в том числе и в кинематографическом сообществе, были довольно сильны. Человек, сделавший неудачную картину, очень сильно переживал, потому что он существовал в некоем культурном пространстве. Имелись определенные точки отсчета. Сейчас этих точек нет, и категории «плохое – хорошее» слились в нечто непонятное. Черное и белое расфоку-

сировано, и границ не существует. А коли это так, то не существует и способа жизни самого сообщества.

- Как бы мы ни протестовали, процесс глобализации, судя по всему, неизбежен. Видите ли вы противоядие, которое поможет бороться с этой «эпидемией»?

Глобализация неизбежна во времена идеологии потребления, это следствие такой идеологии. В каком-то смысле глобализация генерирует и подтверждает идеологию потребления. Как я уже говорил, это путь тупиковый. Я думаю, что человечество, в котором, вероятно, сработает инстинкт самосохранения, будет вырабатывать некую новую идею. Возможно, этот процесс начнется снизу, потребитель начнет сигнализировать о своей неуютности в мире. Разве не с этим связано повышение уровня суицида? Человек не может знать, в чем смысл жизни, но он должен бесконечно к этому стремиться. А идеология потребления заставляет отказываться от этого вопроса.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства, и как это сказывается на русской культуре?

Новые взаимоотношения не сложились. Церковь по-прежнему огосударствлена, как и в советское время, когда она была якобы отделена от государства. А сейчас происходит мощная взаимная диффузия. В каноническом смысле церковь сейчас церковью не является, поскольку церковь – институт интимного духовного существования, а у нас это институт государственной жизни. Более того, ходить в церковь стало модой. Хотя это лучше, чем гонения на церковь и ее полное отрицание.

- Как это повлияло на развитие русской культуры?

Культуры это не коснулось вовсе. Если и существует какая-то реакция культуры, то это опять же связано с модой: модно ходить в церковь, модно написать картину на околорелигиозную тему. Все, что появляется сейчас в живописи, в литературе, в кино, не дает положительного ответа на этот вопрос.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Безусловно, можно говорить о завершении определенного этапа русской культуры, поскольку власть идеологии потребления постепенно унифицирует все, что связано с русской культурой. Это касается и литературных текстов, и живописи, но в первую очередь – кинематографа. Всё, что создается в современном российском кино, унифицировано на 90 процентов. Кстати, большинство абитуриентов, поступающих во ВГИК, на предварительном собеседовании говорят о том, что хотели бы снять фильм типа «Терминатор» или «Титаник». Сомневаюсь, что это можно считать новой, положительной тенденцией в русской культуре.

- Может быть, русская культура, наверстывая упущенное, просто стремится побыстрее все переварить, и это одно из проявлений ее «всемирности»?

В России особую роль во все времена играла литература. В отличие от других стран и других культур литература в России заменяла церковь. Она стремилась отвечать на главные вопросы: зачем человек живет? кто виноват в том, что происходит? что делать? В этом есть некая смысловая экспансия, экспансия познания. Литература брала на себя смелость отвечать на такие вопросы. Она была бесстрашна. А самые бесстрашные – Толстой и Достоевский. И поскольку русская литература пыталась отвечать на такие глобальные, вселенские вопросы, то, следовательно, она претендовала на охват всего космоса. Сегодняшняя литература такими вопросами себя не озадачивает. Как диалектик и физик по образованию я могу утверждать: процесс развития русской культуры изменит свой вектор только в том случае, если появится новая животворящая идея. Пока об этом говорить не приходится.